

ЯД или ЛЕКАРСТВО?

Сын президента США
как **ПОДОПЫТНЫЙ**
КРОЛИК
в исследованиях

ЛЕКЦИЯ про виагру
с демонстрацией
эффектов

ОХЛАЖДЕНИЕ
как способ
снизить
тревожность

МОЖНО ЛИ вылечить
зависимость
зависимостью

ПОИСК
НОВЫХ
лекарств
как искусство
и как бизнес

КАК РАСТЕНИЯ, ПОРОШКИ И ТАБЛЕТКИ
ПОВЛИЯЛИ НА ИСТОРИЮ МЕДИЦИНЫ

Томас Хэджер, научный журналист

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

RES
PEC
TUS

Respectus. Путешествие к современной медицине

Томас Хэджер

**Яд или лекарство? Как
растения, порошки и таблетки
повлияли на историю медицины**

«ЭКСМО»

2019

УДК 615.03
ББК 52.8

Хэджер Т.

Яд или лекарство? Как растения, порошки и таблетки повлияли на историю медицины / Т. Хэджер — «Эксмо», 2019 — (Respectus. Путешествие к современной медицине)

ISBN 978-5-04-177933-7

От пучков сушеных трав и алкогольных эликсиров к высокотехнологичным препаратам и многомиллионному бизнесу – такой путь проделали лекарства, которые мы принимаем каждый день. Научный журналист Томас Хэджер решил разобраться, какие гениальные открытия и случайные находки подарили нам обезболивающие, противозачаточные, антибиотики и другие препараты. Эта книга – биография десяти важнейших лекарств, изменивших медицину. Среди них вы не найдете «величайшие хиты», например, пенициллин или аспирин, ведь о них написано уже многое. Вместо этого автор познакомит вас с удивительными историями менее известных, но не менее значимых лекарств, и покажет их двойственную природу. Вы побываете в кабинете средневекового алхимика и химической лаборатории, узнаете, что пытались лечить героином, а еще заглянете в будущее лекарств и осознаете, как случайные совпадения могут изменить жизни целых поколений. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 615.03
ББК 52.8

ISBN 978-5-04-177933-7

© Хэджер Т., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Введение	7
Глава 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Томас Хэджер
Яд или лекарство? Как растения, порошки
и таблетки повлияли на историю медицины

ПОСВЯЩАЕТСЯ Джексону, Зейн и Элизабет

Thomas Hager

TEN DRUGS:

How Plants, Powers and Pills Have Shaped the History of Medicine

Copyright © 2019 Thomas Hager First published in the English language in 2019 By Abrams Press, an imprint of ABRAMS, New York.

ORIGINAL ENGLISH TITLE: TEN DRUGS

(All rights reserved in all countries by Harry N. Abrams, Inc.)

В оформлении обложки использованы иллюстрации: Croisy, Aurelija Diliute / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Коломейцева Т.С., перевод на русский язык, 2021

© ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Введение

50 тысяч таблеток

Несколько лет назад, во время рабочей поездки в Лондон у меня был свободный день. Как и многие туристы, я направился в Британский музей и там набрел на нечто невероятное.

В большой, наполненной светом комнате на первом этаже стоял стол, покрытый тысячами таблеток. Это была выставка художника и врача: он придумал, как показать все 14 тысяч доз лекарств, выписываемых в среднем каждому британцу в течение жизни. Эти таблетки, вплетенные в ткань и сопровождаемые текстами с описаниями, покрывали стол длиной 14 метров. Я не мог поверить своим глазам. Разве люди на самом деле принимают так много препаратов?

Правильный ответ – нет. Они принимают еще больше. На выставке речь шла о Британии. А когда дело доходит до приема лекарств, Британия не идет ни в какое сравнение с Америкой. Свыше половины всех американцев принимают как минимум одно рецептурное лекарство на регулярной основе, а большинство из них относятся к группе, которая принимает не одно лекарство (где-то четыре–двенадцать рецептов на человека в год – в зависимости от исследования, к которому вы обратитесь).

По оценкам, американцы в среднем принимают по 10 таблеток в день на человека. Добавьте сюда лекарства без рецептов: витамины, средства от простуды и гриппа, аспирин и различные добавки – и посчитайте. По грубым прикидкам это еще по две таблетки в день на человека в течение около 75 лет.

Всего получится в среднем 50 тысяч таблеток за жизнь одного человека. И высока вероятность, что на самом деле это число еще внушительнее. США потребляет больше лекарств, чем любая другая страна в мире, и тратит на них больше других: свыше 34 миллиардов долларов ежегодно на лекарства без рецепта и 270 миллиардов долларов на рецептурные препараты. Это гораздо больше, чем в других странах, потому что и цены на лекарства в Америке выше. Американцы составляют меньше 5 % населения Земли, но отдают более 50 % всех денег, которые вливаются в мировые компании по производству лекарств.

И это не считая лекарств, получаемых нелегально.

Ни одна нация в мировой истории не потребляла так много медикаментов и не тратила на них так много денег, как сегодняшние американцы. И лекарства производят огромный эффект. Они добавили десятилетия к средней продолжительности жизни и сыграли основную роль в увеличении числа пенсионеров. Лекарства изменили социальные и профессиональные возможности для женщин. Они повлияли на наши представления о собственном разуме, нашу оценку закона, международные отношения и даже вызвали войны.

Следовало бы переименовать наш вид в *Homo pharmasum*, то есть вид, который делает и принимает лекарства. Мы – люди на фарме.

Эта книга расскажет вам, как мы оказались в таком положении. В центре ее внимания – лекарства, используемые в медицине (то есть легальные, принимаемые не для удовольствия и в основном рецептурные).

Книга написана как серия коротких ярких зарисовок, мини-биографий 10 лекарств, изменивших историю медицины. Эти рассказы связаны общими темами, и каждый предыдущий ведет за собой последующий.

Первая общая для всех историй тема – это эволюция лекарств. В английском языке лекарства обозначает слово «drug», оно происходит от старофранцузских и датских названий бочек, в которых хранились сухие растения. 150 лет назад фармацевты были очень похожи на сегодняшних травников – они производили и смешивали лекарства в основном из баночек с сушеными растениями. Это давало докторам в 1800-х десятков-другой довольно эффективных натуральных средств для помощи пациентам (и еще сотни бесполезных – зачастую с большим содержанием алкоголя – эликсиров, припарок и таблеток, которые делали и назойливо рекламировали местные аптекари). Сегодня у нас есть более 10 тысяч самых узконаправленных, высокотехнологичных лекарств, и сила их растет. Они могут лечить и часто устранять причины, тысячелетиями ставившие целителей в тупик.

Эволюционируя на пути поиска человечеством волшебных пилюль от недугов, лекарства научились безошибочно находить и уничтожать болезни в наших телах, не нанося ущерб здоровью в целом. Главной задачей всегда было отыскать всеильные безопасные средства. Звучит как недостижимая цель. Мы еще не изобрели идеальных волшебных пилюль, но подбираемся к их открытию все ближе.

Другая общая для представленных глав тема – это рост фармацевтической индустрии, чудовища на триллионы долларов, которое критики прозвали Большой Фармой, – и как мы изменили регулирование этой индустрии. Например, в 1880-х годах вы могли без рецепта достать любые лекарства и купить их через кассу (в том числе микстуры, сдобренные опиумом, кокаином и марихуаной). Сейчас требуется рецепт почти на любое лекарство, и даже по рецепту вы не сможете купить такие вещества, как героин. До 1938 года производители лекарств могли выпустить на рынок все, что хотели, лишь бы оно вас не убило, и даже не пытались никого надуть лживой рекламой. Сегодня рецептурные лекарства должны пройти проверку на безопасность и эффективность до того, как поступят в продажу. Регулирующие оборот лекарств законы эволюционировали, причем удивительным образом вместе с самими лекарствами.

И наше отношение к ним тоже изменилось.

В 1880-х годах люди рассматривали право выбирать себе лекарства как нечто естественное. Не имело значения, подходил вам препарат или нет, выбор, принимать ли его, был только за вами, а не за врачами.

Если вам заблагорассудилось купить один из этих запатентованных медицинских кошмаров, доступных в местных аптеках, что угодно – от радиоактивной воды против рака до сиропа с каплей опиума от бессонницы, – ну, это же ваше тело... Никто не имел права вам перечить.

Сегодня все перевернулось. Сейчас все ключи от лекарств у врачей (в виде бланков для рецептов). А если нам надо принять лекарство, мы просто делаем, что нам скажут.

Лекарства изменили и практику медицины. В 1880-х доктора были семейными консультантами, знающими толк в диагностировании болезней и в утешении и советах близким, но почти неспособными изменить течение смертельных недугов. Сегодня доктора могут творить чудеса и спасать жизни, о чем их коллеги еще столетие назад могли только мечтать. Но теперь они чаще всего перегруженные технократы, которым комфортнее читать анализы, чем держать пациента за руку.

В течение последних 60 лет средняя продолжительность жизни в Америке росла на два месяца каждый год – в основном благодаря лекарствам. Вакцины позволили нам полностью победить давних врагов, например, оспу (и мы вот-вот подберемся к полиомиелиту). Рецептурные лекарства и различные меры в сфере здравоохранения сделали наши жизни более долгими и в целом более здоровыми.

Не то чтобы не осталось больших рисков. Передозировки лекарств, легальных и нелегальных, убивают около 64 тысяч людей ежегодно, и такая смертность превышает число погибших американских военных за все годы войны во Вьетнаме.

Вот что для нас сделали лекарства: в старые недобрые дни, скажем, два столетия назад, мужчины жили в два раза дольше, чем женщины (из-за опасностей, связанных с беременностью и родами). И жизнь каждого, как правило, была вполнину короче, чем сегодня. Во многом это было связано со смертностью в начале жизни. Если ребенок избегал родовых травм, переживал эпидемии болезней детства: оспы, кори, коклюша, дифтерии и так далее – и переходил во взрослую возрастную категорию, он мог считаться счастливым. Просто потому, что он мог умереть от чахотки, ангины, холеры, рожистого воспаления, водянки, сифилиса, скарлатины или любой другой из нескольких десятков болезней, о которых мы больше даже не слышим. Сегодня люди умирают от болезней сердца и от рака, заболеваний среднего и старшего возраста. В прежние времена люди не очень беспокоились об этих болезнях – просто потому, что немногие до них доживали. «Благодаря лекарствам, – пишет одна группа ученых, – люди страдают от различных болезней, у докторов есть различные мнения по поводу этих болезней, и болезни имеют разное значение для общества».

В этой книге вы увидите, как вакцины и антибиотики превратили нас из беспомощных жертв эпидемий в тех, кто способен одержать над ними победу. Вместе с другими показателями эффективности здравоохранения – чистой водой, лучшей системой канализации, лучшими больницами – лекарства перенесли нас от страхов болезней детства к страданиям возрастных болезней. За это мы признательны медицине в целом и лекарствам в частности.

Эти плоды науки и технологий ответственны и за изменение культуры. Но если о них задуматься, лекарства покажутся даже еще более странными. Сегодня продукты фармацевтики высокотехнологичны, создаются в суперсовременных лабораториях после инвестиций в десятки миллионов долларов, но эта высокотехнологичность такая интимная, такая личная, что лекарствам необходимо стать частью нас самих, чтобы сработать. Нам надо их вдыхать, выпивать, глотать, вводить под кожу или втирать в нее, делать частью себя. Они растворяются внутри нас и бегут вместе с кровью от наших мускулов к сердцу, печени и мозгу. И только если вы их употребите, если они растворятся в вас и сольются с вами, их сила раскроется. Они смогут добраться до всех раздражителей, умиротворить и утешить, разрушить и защитить, изме-

нить сознание, восстановить здоровье. Они могут возбуждать, могут и успокаивать. Они могут сделать вас зависимыми, а могут спасти вам жизнь.

Что дает им такую силу? Являются ли они животными, растениями или минералами? Всем вышеперечисленным. Хороши ли они для нас? Зачастую да. Опасны? Всегда. Могут творить чудеса? Могут. Могут ли они нас поработать? Некоторые так и делают.

Итак, сегодня у нас есть самые сильные лекарства, лучшие врачи и самые большие победы над болезнями за всю историю человечества. Если посмотреть с этого ракурса, история лекарств покажется триумфальным маршем прогресса. Но не стоит обманываться: большая часть этой истории уходит корнями, как вы увидите, в заблуждения, несчастные и счастливые случайности.

Пока я писал эту книгу, убедился, что старый добрый прогресс тоже играет тут ключевую роль, если прогресс – это логическое и рациональное использование растущего числа проверенных фактов. Каждое новое лекарство рассказывает нам что-то о нашем теле, а это позволяет создавать еще более совершенные лекарства. Если такая система работает хорошо, то каждое новое научное открытие критикуется, проверяется и перепроверяется, если необходимо – исправляется и затем становится частью глобальной библиотеки фактов, доступных другим ученым. Это созидание. Такая синергия между лекарственной и фундаментальной наукой, этот вальс лабораторий, таблеток и тел описаны в десятках тысяч научных публикаций за последние три столетия, и темп только растет, а интенсивность повышается. Действительно прогрессивно. Если мы сможем объединить мир, то окажемся на пороге великих свершений.

Я вам скажу, чем не является эта книга.

Это не академическая история фармацевтической отрасли. Здесь нет примечаний. Здесь игнорируются – в силу необходимости, для краткости – многие изобретения, потрясшие мир. И всех-всех важных лекарств вы здесь тоже не найдете. Но вы встретите многие препараты, повлиявшие и на историю медицины, и на современный мир. Надеюсь, книга поможет вам лучше понять эту интереснейшую часть нашего мира.

Эта книга не научит ничему новому исследователей лекарств, потому что она написана не для исследователей лекарств. Наоборот, она для людей, которые не очень много знают о фармацевтике и хотят узнать больше. Она предназначена для широкого круга читателей, а не для специалистов – хотя я надеюсь, что и специалисты узнают из нее много новых любопытных историй.

Эта книга не понравится производителям лекарств. Или лоббистам фармы. Или активистам антифармы. Это не полный список грехов индустрии лекарств и не хвалебная песнь науке. У меня нет каких-то скрытых выгод, я ничего здесь не продвигаю.

Но я надеюсь вас развлечь и показать вам новый мир – мир открытия лекарств – таким образом, чтобы речь пошла не только об истории медицины, но и о нашей сегодняшней жизни: от взаимоотношений с докторами до рекламы по ТВ, от эпидемий злоупотребления наркотиками до возможностей персонализированной медицины. Компании по производству лекарств делают невероятные деньги, и все равно многие из нас не могут позволить себе необходимые препараты. Эта книга заставит вас задуматься почему.

Если здесь и есть один общий вывод, к которому вы можете прийти, то вот он: ни одно лекарство не есть благо. Ни одно лекарство не есть вред. У каждого лекарства есть две стороны.

Иначе говоря, каждое без исключения эффективное лекарство идет рука об руку с потенциально опасными побочными эффектами. Об этом легко забыть на волне общего энтузиазма, когда новое лекарство завоевывает рынки. Благодаря рекламным кампаниям и пылким отзывам в прессе новое лекарство-блокбастер входит в так называемый круг Сайджа (названный по имени Макса Сайджа, немецкого исследователя, который первым описал этот процесс в начале прошлого столетия). Это происходит снова и снова: выпускается удивительное новое лекарство, вызывающее общий восторг и предназначенное для широкого применения (это первая стадия круга Сайджа). Через несколько лет этот медовый месяц сменяется возрастающим количеством негативных статей об опасностях отлично продающегося лекарства (вторая стадия). Вдруг все осознают, что вчерашнее чудо-лекарство приобрело очертания угрозы. Потом и это проходит, и мы добираемся до третьей стадии, к более трезвому пониманию того, что в действительности может сделать препарат. Это начинает сдерживать продажи и определяет надлежащее ему место в пантеоне лекарств.

Из 10 лекарств, которые я выбрал, некоторые вы знаете, а некоторые покажутся вам новыми. Основная идея этой книги принадлежит моему талантливому редактору, Джемисон Штольц, но итоговый список я составил сам.

Я не хотел щеголять стандартными «величайшими хитами» из списка лекарств за всю историю человечества. Поэтому я вычеркнул классических кандидатов – аспирин и пенициллин, например, – поскольку о них уже очень много всего написано. Вместо них вы найдете удивительные главы о менее известных (но очень важных) лекарствах, таких как хлоральгидрат (снотворное, используемое везде – от врачебных кабинетов до бара Микки Финна) и хлорпромазин (первый нейролептик, лекарство, опустошившее старые психиатрические лечебницы) с вкраплением более знаменитых – от противозачаточных до оксиконтин. Эта книга много рассказывает о различных видах опиоидов: от первых доисторических сборов макового сока до сегодняшних убийственно сильных синтетиков. Потомки опиума заслуживают внимания, ведь у них есть свое место в истории (тысячи лет их усовершенствований и развития много говорят об истории создания лекарств в целом) и своя роль в современности (в нынешних эпидемиях зависимостей и передозировок). А еще их история полна интересных личностей и случаев: от средневекового алхимика и несчастной китайской императрицы до лаборатории, заполненной потерявшими сознание химиками.

Внимательный читатель может заметить, что число выделенных мной лекарств скорее около десятка, чем ровно 10. Некоторые главы фокусируются на одном лекарстве (как сульфаниламиды), другие – на родственных химически семействах лекарств (как статины). Поэтому не заикливайтесь на подсчете. Это не так важно.

Что здесь имеет значение, так это то, что никто не сможет составить идеальный список самых значимых лекарств – бесполезно даже пытаться, – поэтому я делал выбор, исходя из моего понимания исторической значимости лекарства и того, насколько интересно о нем послушать. Стилистически я хотел сократить количество обычной научной лексики, насколько это возможно, чтобы книгу можно было читать всем: мне больше нравятся живые истории и запоминающиеся личности. Это может не понравиться ученым. Но я надеюсь, что это понравится вам. Добро пожаловать в мир лекарств.

Глава 1

Растение радости

Представим себе древних охотников и собирателей Ближнего Востока, в поисках пищи бредущих по новой местности, пробующих на вкус то или иное насекомое, животное или растение. Семена, обычно очень питательные, надо отведать. Так же как и стручки и фрукты, которые их окружают. Однажды кто-то из них обнаруживает на открытой местности участок с растениями высотой по пояс, каждое из которых согнулось от тяжести отборных бледных, как воск, светло-зеленых коробочек с семенами.

Стоит попробовать. Понюхал. Немного надкусил. Скорчил гримасу и выплюнул. Внутренность коробочки такая горькая, что рот перекашивает, а это плохой знак. Мы считаем, что горьки многие ядовитые вещи, так природа сообщает, чего избегать. Горечь обычно означает боль в животе или что-то похуже.

Так наш первый исследователь отворачивается от растений с большими коробочками. Спустя некоторое время происходит странное. Задумчивость. Облегчение боли. Чувство снижения опасности. Связь с богами. Растение священо.

Все могло начаться именно так. Или так: один древний человек с острым взором заметил, как животные едят эти коробочки, а потом ведут себя немного странно, – знак, что у этого растения есть сила.

Мы не знаем, как в точности все произошло, но знаем когда. Долгая связь между людьми и этим чудодейственным растением началась более 10 тысяч лет назад – до возникновения городов, сельского хозяйства, науки и истории. К тому времени, как в долинах рек Евфрата и Тигра возникли первые на Земле поселения людей, коробочки этого растения употребляли в пищу, его горький сок использовался как лекарство, ему воздавали хвалу. Недавно на раскопках четырехтысячелетнего дворца, на территории сегодняшней Сирии, археологи обнаружили необычную комнату рядом с кухнями. Там было восемь очагов и большое количество котелков, но не было остатков пищи. Вместо них ученые обнаружили следы мака вместе с валерианой, ромашкой и другими травами, которые используют в медицине. Был ли это один из первых в мире центров по созданию лекарств?

Растением, приковывавшим внимание Древнего мира, был мак. Его коробочки, особенно сок на их внешних стенках, давали эффект, казавшийся сверхъестественным. Найденные на Крите терракотовые статуэтки возрастом более трех тысяч лет изображают богиню в головном уборе, украшенном коробочками мака с надрезами. Некоторые археологи предполагают, что комната, в которой была найдена статуэтка богини, использовалась минойцами для вдыхания паров высушенного сока мака.

Греки ассоциировали это растение со своими богами сна (Гипнос), ночи (Никта) и смерти (Танатос) и изображали его на монетах, вазах, ювелирных изделиях и могильных камнях. В мифах богиня Деметра использовала мак для того, чтобы облегчить боль от потери ее похищенной дочери, Персефоны. Античный поэт Гесиод за восемь столетий до рождения Христа писал о городе близ Коринфа и Микен, название которого переводится приблизительно как «Маковый город», – некоторые историки считают, что он получил свое название от окружающих его обширных маковых полей. Гомер упоминал это растение в «Илиаде», а в «Одиссее» рассказывал историю о том, как Елена делала сонное зелье, содержащее, как многие считают, сок мака. Гиппократ часто упоминал мак как ингредиент в своих лекарствах. Мак был частью храмовых ритуалов, гравировался на статуях и изображался на стенах склепов. Он был одним из древних средств, использовавшихся для лечебных целей. Сегодня он – одно из самых противоречивых веществ.

По-своему удивительно, что древние люди вообще обнаружили какие-либо естественные лекарства. Считается, что 95 % из более 300 тысяч видов растений на Земле несъедобны для людей.

Пойдите и начните случайным образом жевать зелень в ближайшем лесу: шансы 20 к 1, что вы сложитесь пополам, вас вырвет или вы умрете. Съедобных растений будет немного, шансы найти полезные в медицине стремятся к нулю.

И все же наши предки сделали это. Методом проб и ошибок, наития и наблюдения доисторические люди по всему миру постепенно составляли список лекарственных растений. Древними целителями были «местные», употреблявшие в пищу то, что росло ближе к дому. В Северной Европе в число эффективных средств входили корень мандрагоры (почти от всего, начиная проблемами с животом и заканчивая кашлем и бессонницей), черный морозник (сильное слабительное), белена (болеутоляющее и снотворное) и белладонна (для сна и от проблем с глазами). Другие ранние лекарства пришли по торговым путям из пунктов на юге и востоке. Многие растения, которые настойчиво требовали у продавцов на Ближнем Востоке и в Азии, например, корица и перец, использовались как лекарства и как приправы. Древние целители знали не только, что собой представляли местные травы, но и как их использовать. Педаний Диоскорид, греческий врач при армии Нерона, живший в I веке, суммировал все, что было известно в его эпоху, в труде «О лекарственных веществах», одном из самых ранних и самых важных руководств по лекарствам. Вдобавок к перечислению сотен трав и их эффектов он описал их предварительную обработку и рекомендуемые дозы. Листья растений можно было высушить, истолочь и добавить в настойку, заваренную на медленном огне, корни можно было собрать, вымыть, раздробить в кашу или съесть сырыми. Некоторые следовало добавить в вино, другие в воду. Лекарства глотали, пили, вдыхали, втирали в кожу или ставили как свечи. Работа Диоскорида служила руководством по использованию медицинских препаратов в течение более тысячи лет.

Он описал мак, охарактеризовал его эффекты и подчеркнул опасности: «Небольшая его доза, – писал он в работе «О лекарственных веществах», – облегчает боль, вызывает сон и дает энергию, борется с кашлем и болезнями брюшной полости. Принимаемый как питье слишком часто, он причиняет страдания, делает людей вялыми и убивает. Он помогает при болях в теле, если его посыпать на покраснения, и в ушах, если закапать его в уши с миндальным маслом, шафраном или миррой. При глазных воспалениях мак используется с жареным яичным желтком и шафраном, при рожистом воспалении и ранениях – с уксусом, а от подагры – с молоком женщины и шафраном. Введенный пальцами как свеча, он вызывает сон».

Мак путешествовал от культуры к культуре и имел множество имен, от древнешумерского *hul gil*, что означало «растение радости», до китайского *ya pian* (от которого произошло английское выражение «have a yen» – желать чего-то до смерти – для обозначения чувства зависимости). Греческое название сока – *opion*, что и дало сегодняшнее название наркотическому сырью, сделанному из мака, – опиум.

До XIX века лекарства представляли собой всего-навсего пучок трав, высушенный в чулане ведьмы или у докторов со священниками.

Их приготавливали и смешивали отчасти для лечения, отчасти для магии – кипятили для напитков и эликсиров, спрессовывали в таблетки, смешивали с чем угодно: от праха мумий и рога единорога до пудры жемчуга и сушеного помета тигра, чтобы произвести варево для состоятельных пациентов.

Древние целители часто использовали одно и то же слово, чтобы описать эффект от опиума: эйфория. Опиум делал боль от недугов и травм выносимой и в то же время помогал отдохнуть. Он был одним из средств, которыми древние врачи пользовались с осторожностью: целители знали, что превышение дозы может легко сменить сон пациента смертью.

Опиум распространился на Ближнем Востоке и на Западе, от шумеров и ассирийцев к вавилонянам и египтянам, а из Египта в Грецию, Рим и Западную Европу. В одном египетском медицинском тексте описано его применение в 700 различных видах лекарств. Армии Александра Македонского везли его с собой, знакомя с ним местное население по мере того, как захватывали земли от Греции до Египта и Индии. Цветы мака стали символом сна, временного или вечного, ассоциировались с богами дремы и метаморфоз, отмечали переход от жизни к смерти.

Ассоциация мака со смертью была довольно прямой. Уже в III столетии до н. э. греческие врачи понимали, что наряду с эйфорией опиум может нести опасность. Они спорили, стоит ли медицинский эффект рисков для пациента.

Греков беспокоила опасность передозировки, также они осознавали, что, если пациент начнет принимать опиум, остановиться будет трудно. Они дали первое описание аддикции.

Но преимущества опиума, как казалось многим, перевешивали его недостатки. Считается, что, когда в I и II веках н. э. владычествовала Римская империя, опиум использовался так же широко, как вино, и продавался на римских улицах в виде маковых пирожных (приготовленных без выпекания тягучих сладостей из мака, сахара, меда, муки и фруктового сока) для поднятия духа простого народа и облегчения болей разной степени тяжести. Говорили, что император Марк Аврелий принимал опиум, чтобы заснуть, поэт Овидий тоже имел репутацию его любителя.

После падения Римской империи опиум нашел новые рынки сбыта благодаря арабским купцам, производившим легкое, удобное в транспортировке вещество, ценившееся богатыми покупателями на вес золота, – оно было обычной частью товаров торгового каравана, распространявшего опиум по Индии, Китаю и Северной Африке. Один из величайших арабских врачей Ибн Сина (на Западе его звали Авиценна) около 1000 года н. э. писал, что опиум – один из важнейших подарков целителю от Аллаха, за который следует благодарить его каждый день. Он очень точно отметил медицинские цели его использования, а также его опасности: например, появление проблем с памятью и мышлением, запоры и легкость передозировки.

Авиценна столкнулся со случаем, когда пациент погиб от введения слишком большой дозы опиума ректально. Вывод этого великого ученого, сделанный тысячу лет назад, звучит очень схоже с современными позициями по опиумному вопросу. «Врачам следует выяснить продолжительность, силу боли и ее переносимость у конкретного пациента и тогда уже взвесить все риски и выгоды от использования опиума», – писал Авиценна, советуя его применение только в крайних случаях, и рекомендовал врачам использовать его как можно меньше. Вполне возможно, сам Авиценна имел пристрастие к опиуму.

Он и другие арабские врачи добавляли вещество из этого растения в настойки, припарки, перевязки, суппозитории, мази и эликсиры. Арабские врачи были лучшими в мире создателями лекарств, они далеко продвинулись в искусстве их изготовления, развивая применение фильтрации, дистилляции, возгонки и кристаллизации – операций так называемой «алхимии» (считается, что это название произошло от слова «khem», то есть Египет, поэтому оно означает что-то вроде «египетская наука»). Основной идеей алхимии, в соответствии с представлениями на Западе, была работа с сырыми природными материалами, доведение их до совершенства, содействие их переходу от грубого, неразвитого состояния к более изысканным и чистым формам, чтобы высвободить их настоящий внутренний дух (эта идея вошла в английский язык: алхимическая дистилляция вина и пива привела к появлению мощных ликеров, которые называют «spirits», т. е. дүхи). В те времена алхимия была методом создания важных продуктов (таких как лекарства или духи), исследования мира природы и почти религиозного поиска души всех вещей.

Древние исламские рукописи разъясняют, что, хотя опиум способен творить великие дела, он также может превращать в рабов тех, кто его употребляет. Кроме того, в манускриптах описаны пристрастившиеся к опиуму с их опасными иллюзиями, медлительностью, ленью и снижением умственных способностей. «Льва он превращает в жука, – предупреждал один из авторов, – гордеца в труса, а здорового в больного».

Употребление опиума в Европе снизилось после падения Римской империи, а потом снова возросло, потому что возвращавшиеся домой из Крестовых походов солдаты привезли его с собой из Святой Земли.

К XVI веку его использовали от Италии до Англии для лечения всего: начиная малярией, холерой и истерией и заканчивая подагрой, чесоткой и зубной болью.

К его горячим сторонникам относилась одна из самых странных и привлекательных фигур в истории Средних веков – швейцарский алхимик и революционный целитель с впечатляющим именем Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм. Сегодня он более известен как Парацельс. Он был единственным в своем роде гением медицины, отчасти бунтарем, отчасти мошенником, чуть мистиком, чуть сумасшедшим, гигантом мысли, странствовавшим по Европе из города в город с сумками лекарств и инструментов и имевшим при себе огромный меч, в эфесе которого, по слухам, содержался Эликсир Жизни. Обычно Парацельс приходил в какой-нибудь город, разговаривал с местными, предлагал свои умения, лечил больных, еретически рассказывал о новых теориях, перенимал советы от местных врачей и брал устои медицины тех времен. «В мое время не было докторов, которые могли вылечить зубную боль, не говоря уж о серьезных заболеваниях, – писал он. – Я тщательно искал определенные и проверенные знания в искусстве [медицины]. Я обращался не только к образованным врачам: я искал их у жнецов, брадобреев, мудрых мужчин и женщин, колдунов, алхимиков, монахов,

дворян и простого народа». Он слушал, спорил, учился и лучшие идеи применял в лечении своих пациентов.

Попутно он сочинил несколько книг, большинство из которых не были изданы при его жизни. Они были написаны в стиле, который один историк охарактеризовал так: «очень сложно читать и еще сложнее понять». Это была мешанина из фантастических алхимических символов и намеков на магию, отсылок к астрологии и христианскому мистицизму, медицинским рецептам, божественного вдохновения и философских размышлений. Но сердцевина всего этого – прорывные медицинские идеи.

Парацельс считал большинство врачей «тщеславными болтунами», разбогатевшими на том, что они, как попугаи, твердили замшелые идеи древних, воспроизводя избитые истины римских, греческих и арабских мудрецов и повторяя старые ошибки. Им Парацельс предлагал простую альтернативу: подлинные искатели знания должны читать книгу природы. Вместо того чтобы слепо следовать старым текстам прежних авторитетов, врачи, как он считал, должны были опираться на то, что работает в реальном мире, должны были открыться всем чудесам, которые предлагает природа, и искать новые подходы, использовать новые лекарства и по-новому, замечать, что происходит, и потом использовать это знание, чтобы совершенствовать искусство врачевания.

Парацельс экспериментировал со своими лекарствами, пробуя новые микстуры и проверяя, как они работают. Важно сказать, что это были не эксперименты в современном научном смысле. Скорее их можно охарактеризовать так: «Тут что-то интересное. Я попробую, и посмотрим, что выйдет».

Главным из его успешных изобретений была таинственная маленькая черная таблетка, которая, казалось, облегчала любую хворь. «Я владею секретным средством, которое я называю лауданумом и которое является наиважнейшим из сильнодействующих средств», – писал он около 1530 года. Один из его современников вспоминал: «У Парацельса были таблетки, которые он называл лауданумом: они выглядели как кусочки мышинного помета, но применял их он только в случае чрезвычайных болезней. Он хвастал, что мог с их помощью воскрешать мертвых и, конечно, доказал, что так оно и было: пациенты, которые казались умершими, внезапно воскресали».

Лауданум Парацельса стал чем-то вроде легенды. Сейчас мы знаем секрет рецепта: около четверти каждой таблетки составлял чистый опиум, а остальное было причудливой (и по большей части бесполезной) смесью белены, безоарового камня (твердой массы из кишечника коров), янтаря, мускуса, крошек жемчуга и кораллов, различных масел, костей из сердца оленя и, самое главное, небольшого количества рога единорога (расхваленного и, безусловно, воображаемого ингредиента многих средневековых снадобий; то, что выдавалось тогда за рог единорога, чаще всего было бивнем нарвала). Большой части эффекта лауданум был обязан, собственно, опиуму.

Парацельс был так уверен в своих убеждениях, что, когда он утверждал что-то вроде «Невежественные врачи подобны слугам ада, посланным на муки больных» или напоказ сжигал на костре одну из книг Авиценны, многие думали, будто он высокомерный хвастун. Но шарлатаном он не был. Наоборот, он был одним из отцов фармакологии, человеком, который в одиночку помог исследователям лекарств избавиться от мертвой хватки древней теории и встать на более современный фундамент. Считается, например, что он изучал лекарства на

себе и своих последователях, а потом записывал эффекты – практика экспериментов на себе станет обычной среди врачей в последующие века.

К 1541 году, году смерти Парацельса, аппетит на опиум в Европе возрос. Колумбу было сказано найти и привезти опиум из своих плаваний, увенчавшихся открытиями, то же задание получили и Джон Кабот, Фернан Магеллан и Васко да Гама. Это было связано с тем, что опиум оказывал заметное действие, в отличие от многих прочих таблеток и снадобий эпохи Возрождения. Чем выше была его популярность, тем большим количеством способов его использовали врачи. Некоторые находчивые доктора растворяли опиум в отваре шелковицы и крапчатого болиголова, а затем вываривали в нем морскую губку. Когда эту наркосодержащую «сонную губку» мочили и нагревали, она испускала пары, облегчавшие боль, и пациенты засыпали. Так опиум стал одним из первых средств анестезии. Венецианская патока, смесь опиума с 72 другими ингредиентами, начиная от меда и шафрана и заканчивая плотью гадюки, использовалась для лечения всего, начиная с укуса змеи и заканчивая чумой. Популярность этого снадобья была столь велика, что оно поспособствовало выпуску первых законов об использовании лекарств в Лондоне. В 1540 году Генрих VIII даровал врачам право проверять аптеки и докладывать о любых опасных или неправильно составленных лекарствах, включая венецианскую патоку. Ко временам Шекспира только один человек в Лондоне имел право ее изготавливать, и даже он должен был предъявлять ее Коллегии врачей перед продажей.

Для использующего опиум врача проблемой было то, что он не знал, насколько сильно действие лекарства. Поскольку опиум доставляли из разных стран и существовали разные методы его приготовления, нельзя было точно узнать состав шариков, которые получались. В одну таблетку могли входить 2/5 или 3/5 дозы, содержащейся в другой. Врачам приходилось проверять на пациентах каждую новую партию и надеяться на лучшее. Пациенты платили деньги и рисковали.

Первые шаги по стандартизации лекарства были предприняты в 1600-х годах знаменитым британским врачом по имени Томас Сиденхем. Сиденхем был большим фанатом опиума и верил, что эта субстанция превосходит по целительной силе все, что было у врачей на тот момент. Сиденхем приобрел известность благодаря своему особому раствору опиума в вине с добавлением сахара, корицы и гвоздики. Жидкий опиум Сиденхему удалось стандартизировать, его количество в каждой бутылке распределялось более аккуратно, и дозы выверялись с большей точностью. Сиденхем нажил состояние на этой жидкости, которую он называл – возможно, в память о Парацельсе – лауданумом.

Лауданум Сиденхема был хитом, интерес к которому подогревала его собственная убежденность: он так громко воспевал ее, что друзья прозвали его «Доктор Опиофил». С ростом продаж повышался и научный интерес к более точному исследованию эффекта опиума. Такие британские исследователи, как Кристофер Рен и Гидеон Харви, начали экспериментировать с опиумом на кошках и собаках, изучая, какая доза требовалась для достижения того или иного эффекта. Они нашли новые способы определения его силы и проверки его качества. Опиум помогал медицине стать уже не искусством, а наукой.

Использование опиума для улучшения настроения, а не для уменьшения боли, захватило все слои населения. 23 марта 1773 года знаменитый автор дневников Джеймс Босуэлл, например, записал: «Я позавтракал с доктором Джонсоном, чье вчерашнее подавленное состояние духа было сильно исправлено принятым накануне опиумом». Лекарство принимали, чтобы облегчить депрессию.

Употребление разнообразных форм опиума выросло вместе с потоком новых содержащих его лекарств в конце 1700-х годов и породило такие наименования, как «Доверов порошок», «Квакерские капли» и «Таблетки спокойствия доктора Бэйтса». Их можно было легко

приобрести у врачей, в местных аптеках и даже в бакалейной лавке – рецепта не требовалось. Без законов, ограничивающих применение этих лекарств, опиум распространился повсюду.

Европа его ждала. Это была эпоха промышленной революции, когда быстрорастущая масса фабричных рабочих столкнулась с ужасными условиями труда. Им недоплачивали, жили они в трущобах и нуждались в том, чтобы выпустить пар. Джин был одним выходом, опиум – другим.

Его популярность росла вместе с разнообразием заболеваний. Один из примеров – туберкулез: быстрорастущие индустриальные города с уплотненной застройкой стали благодатной почвой для его эпидемий. Туберкулез, «медленный убийца», часто оставлял жертву агонизировать, и только опиум мог принести облегчение. Потом была разносимая загрязненной системой водоснабжения и невероятно заразная холера, еще одна болезнь, набиравшая обороты в трущобах. Холера убивала, вызывая неконтролируемую диарею. Но одной из особенностей опиума была тенденция к закрепляющему эффекту, так что, похоже, использование опиума при холере спасало жизни, а также успокаивало умирающих. Среди постоянных приверженцев опиума росло количество проституток, принимавших лауданум, чтобы облегчать ежедневные боли, связанные с их профессией, бороться с симптомами венерических заболеваний и уменьшать свое отчаяние. Иногда они знакомили своих клиентов с этой привычкой. Иногда использовали опиум для самоубийства.

Доктора были кем-то вроде агентов по продажам этого препарата, расхваливали его пациентам и между делом зарабатывали деньги. Аптеки могли рассчитывать на то, что лекарства с опиумом будут лучше всего продаваться и рекламироваться.

И вот что было важно знать об опиуме: в зависимости от того, как и когда он применялся, он мог быть болеутоляющим или наркотиком для вечеринки; спасителем жизни или способом самоубийства. К концу XVIII века его популярность в Западной Европе настолько возросла, что некоторые историки связывают ее с началом эпохи романтизма, когда ценились спонтанность, личный опыт, ослабление морали, полет воображения и убаюкивающие фантазии. И правда, что многие ведущие представители искусства и политики эпохи романтизма, от Байрона и Берлиоза до Георга IV и Наполеона, применяли это лекарство для тех или иных целей.

Однажды Перси Шелли, приняв опиум, ворвался в комнаты своей возлюбленной Мэри Уолстонкрафт Годвин с револьвером в одной руке и бутылкой лауданума в другой, заявляя: «Пусть смерть объединит нас». Они прожили еще достаточно, чтобы пожениться, однако сводная сестра Мэри умерла от передозировки лауданумом в 1814 году. Китс принимал эпические дозы. У Сэмюэла Тейлора Кольриджа и Томаса де Квинси была настоящая зависимость.

«Литература XIX столетия вымочена в лаудануме», – писал один историк. И эта привычка распространилась далеко за пределы интеллигенции. К середине столетия опиум был таким же дешевым, как джин, и более доступным в Британии, чем табак. Его распространение затронуло рабочий класс, фермеров и бедняков. Женщины принимали опиум, чтобы развеять скуку жизни, и затем давали его своим детям, чтобы их чувство голода притупилось, а плач прекратился. Мужчины с его помощью облегчали чувство боли и забывали о проблемах. А если что-то оставалось, оно шло в корм животным на ферме, чтобы они поднабрали вес для продажи.

Один удаленный и болотистый сельский район Англии, Фенленд, приобрел известность как царство мака. Повторяющиеся волны малярии были здесь привычны, как ревматизм с лихорадкой. Хинин (средство из коры южноафриканского дерева) стоил слишком дорого для местных фермеров. Как и услуги докторов. И живущие в нищете земледельцы обратились к опиуму не столько как к лекарству, сколько, как писал один журналист, чтобы «подняться из трясины фенлендской грязи и скуки сельской жизни». Начальник медицинской службы, который посетил эту местность в 1863 году, отмечал: «В поле иногда можно увидеть мужчину, заснувшего, опершись на свою мотыгу. Если к нему подойти, он просыпается и энергично работает некоторое время. Человек, который берется за тяжелую работу, принимает свою таблетку для старта, а многие не пьют пиво, не бросив туда немного опиума».

Считалось, что это относительно небольшое зло, конечно, меньшее, чем ликер. На каждую историю о каком-нибудь ребенке, ненароком отравленном успокоительным сиропом с опиумом, приходились другие – о тех, кто его долго принимал. В 1850-х торговцы опиумом рассказывали анекдот о 80-летней женщине, которая принимала по пол-унции настойки опиума ежедневно в течение 40 лет без каких-либо побочных эффектов. И разве сама Флоренс Найтингейл, Леди с лампой, настоящий эталон медсестры, никогда не принимала опиум? Конечно, принимала. Разве она стала бы это делать, если бы это было вредно? Продажи опиума в Британии росли на 4–8 % каждый год между 1825 и 1850 гг. Чтобы удовлетворить растущую национальную привычку, британцы поощряли создание маковых плантаций в Индии, которая вскоре стала источником большинства мировых поставок опиума. Ост-Индская компания начала распространять его по всему миру. И Англия была только началом. Если дома опиум был настолько популярен, насколько продавцам было бы выгодно воодушевить и другие страны использовать его?

Индия была одним из таких перспективных направлений. Но британцам нужны были люди с трезвой головой в своих землях. Однако можно было отыскать и другие цели, другие страны, куда можно было распространить торговлю опиумом для выгоды Британии. Страны, которые хорошо бы, по мнению британцев, ослабить опиумом. И так они добрались до самой многочисленной нации на Земле – в Китай, в Поднебесную.

Китайцы уже кое-что знали об опиуме. Они познакомились с ним еще в древности – как минимум в III столетии. Его можно было достать у арабских торговцев, и он вызывал интерес у китайских алхимиков. В небольших количествах он использовался высшими классами как лекарство от дизентерии и успокоительное для любовниц богачей. И это всё за более чем тысячу лет.

А потом приплыли первые европейские моряки, которые отчаянно хотели торговать. Они привезли с собой огромное количество предметов, которые, по их мнению, могли оценить китайцы. Но какой прок был китайцам от колючей британской шерсти и жесткого датского льна, когда у них был шелк? Зачем им грубая керамика с Запада, когда у них был фарфор?

Однако кое-что китайцев действительно заинтересовало. Приятная новая трава, сушеные листья из Америки под названием «табак». Китайцам очень нравилось, как чужеземные моряки кладут кусочки этих листьев в трубки и поджигают, вдыхая клубы ароматного дыма. Это дало желаемый эффект. Китайская элита быстро переняла привычку курить табак, и это стало увлечением Китая XVII века. Европейцы были счастливы найти хоть что-то, подходящее для торговли, и они продавали табак в Кантоне огромными партиями. Запасы подходили к концу, и китайцы растягивали наслаждение, добавляя в табак что-то еще, в том числе стружку опиума и мышьяк. Эти добавки считались профилактикой от малярии. Конечно, они только добавляли удовольствия.

В Поднебесной курение стало настолько популярным, а зависимость от этой привычки настолько очевидной, что в 1632 году император осознал необходимость запрета всех видов табака.

Для пущей уверенности он приказал казнить всех, кто был известен как заядлый курильщик. Табак исчез. И в наступивший период затишья лишь немногие китайцы курили – но уже опиум.

Так продолжалось до начала XVIII века, когда появилось другое ценное сушеное растение. Его давно уже выращивали в Китае. Если опустить его в кипящую воду, можно было сделать напиток, вызывавший приятный прилив энергии. Британцы называли это «чай». И вскоре он стал таким же повальным увлечением в Англии, как табак в Китае.

Чем больше Англии требовалось чая, тем больше она нуждалась в чем-то, на что она могла его обменивать. Табак был запрещен. Поэтому британские послы отправились ко двору императора с образцами олова, свинца, хлопковых тканей, механическими часами, сушеной рыбой – всем, что могло бы приглянуться. Ничего не сработало. «Поднебесная владеет всем в большом изобилии и не нуждается в заграничных продуктах, – фыркнул китайский император примерно в 1800 году. – Поэтому нам нет необходимости в импорте товаров фабричного производства у заморских варваров в обмен на наши».

Возможно, китайцы не были охочи до продукции мануфактур, но было сырье, в котором они нуждались. Их валюта основывалась на серебре, и китайцы были очень голодны до этого металла. Плохие новости для британцев, поскольку большинство серебра в мире происходило из испанских владений в Новом Свете. У Британии излишков серебра было немного, и обмен на чай их быстро подчистил, вызвав проблемы с мировыми поставками. Отчаянно требовалось что-то еще.

Так внимание переключилось на опиум. Благодаря его распространенности на индийских плантациях у Британии его было очень много. Нужно было только посадить на него китайцев.

Китайские императоры не были в этом заинтересованы. Все еще переживая из-за проблем с табаком, китайское правительство ответило на британские попытки дать миру новую привычку, выпустив указ, запрещающий торговлю опиумом. Британцы нашли способы, как продолжать его поставки.

Каждый новый курильщик опиума становился источником денег, и если этот наркотик начинали употреблять, то уже не хотели останавливаться. Жизни многих китайских крестьян были загублены так же, как жизни фермеров в английском Фенленде, и многие пристрастились к опиумокурению.

Богатые и скучающие китайцы пробовали его ради забавы, а потом покупали все больше. Рынок рос. В 1729 году британцы в Кантоне (сегодня Гуанчжоу) продали 200 ящиков, заполненных опиумными шариками из Индии. К 1767 году это количество возросло уже до тысячи ящиков. В 1790 году – до четырех тысяч. Китайский император того времени – Хунли (импе-

ратор Цяньлун) – и его сын Юньянь (император Цзяцин) пришли в ярость. История с табаком повторялась – хотя нет, все было гораздо хуже. Новинка не только соблазняла, она превращала тех, кто ее употреблял, в ленивых трутней. Предписания императора против опиума стали строже, достигнув кульминации в 1799 году: его полностью запретили законом, исключаяющим весь импорт этого ненавистного и скверного вещества в Поднебесную. Официально британцам пришлось подчиниться.

Поэтому они обратились к контрабанде. В течение многих лет около двух десятков групп, от полуправильных бизнесменов до отъявленных пиратов, ввозили опиум в Китай контрабандой. Эти не слишком щепетильные торговцы заходили в маленькие тихие заводы портов на китайском побережье, давали взятки местным властям и перевозили тонны индийского опиума в Китай. Британское правительство публично сожалело о скандале, а тайно искало другие пути. Ост-Индская компания была в это сильно вовлечена: на кону стояли большие деньги. На определенные действия закрывали глаза, заключались сделки – опиум продолжал поступать из Индии в Китай, обеспечивая поток денег для перевозки чая из Китая в Англию, а также помогая немного дестабилизировать и без того шаткое китайское правительство. Это тоже было выгодно англичанам. Чем слабее было правительство, тем легче было наладить торговлю без вмешательства императора.

По оценкам историков, к концу 1830-х годов около 1 % всего населения Китая, примерно четыре миллиона человек, были наркозависимыми; вблизи некоторых контрабандных портов эта доля могла достигать 90 %. К 1832 году 1/6 часть всего валового национального продукта Британской Индии была получена от торговли опиумом.

Тогда китайское правительство решило покончить с этим раз и навсегда. Опиумные войны вот-вот должны были разразиться.

Все началось в 1839 году, когда внушительный китайский военный отряд появился у британского торгового поста в Кантоне. Предводитель китайских солдат, выступая от имени императора, потребовал, чтобы все продавцы опиума сдали свои запасы наркотика. Командующий небольшими британскими военными силами оценил количество китайских солдат и предложил торговцам подчиниться. Тысячи ящиков с опиумом были переданы на китайскую сторону и сразу же сожжены на большом костре на глазах у британцев. Это было доходчивым объяснением и для иностранных купцов, и для собственного населения. Опиум здесь не потерпят.

Уязвленное этим оскорблением, правительство Ее Величества (королева Виктория приняла корону всего двумя годами ранее) направило войска и военные корабли в Кантон, начав первую из двух коротких Опиумных войн. Британцы выиграли обе с большим отрывом. По масштабу они были невелики: несколько мелких стычек и небольших морских столкновений на полпути от Британии. Но они продемонстрировали некоторые важные моменты. Прежде всего, современные и хорошо оснащенные британские войска с мощными военными кораблями разгромили устаревшую, хотя и более многочисленную китайскую армию. Китайцы столкнулись с тем фактом, что западные войска превосходили их в военной силе: у них были лучшее оружие, лучшая дисциплина и лучшие корабли. Да и сам опиум сыграл свою роль: к 1840 году большое количество китайских офицеров и солдат были зависимыми от опиума, многие из них были слишком одурманены, чтобы воевать.

Во-вторых, Опиумные войны показали китайцам, что, когда дело доходит до торговли, британцы играют решающую роль. Когда битвы закончились, Британия стала пожинать плоды.

Император уступил правительству королевы Виктории порт Гонконг, а также открыл доступ к другим портам и обеспечил лучшие условия для торговли. Поднебесная была вынуждена открыться.

Но не для опиума. Для него – никогда. Британцы требовали специального разрешения правительства на ввоз опиума, разглагольствуя о богатстве, которое можно получить от налогов на опиум. Но даже в своем ослабленном положении император Китая провел границу: «Это правда, что я не могу предотвратить знакомство с ядом; жаждущие наживы и продажные люди будут из выгоды и сладострастия стоять у меня на пути, – писал Даогуан, восьмой император династии Цин. – Но ничто не заставит меня извлекать доход из порока и страданий моего народа». Он отказался от легализации опиума, и такая серьезная позиция шла отчасти из истории его семьи. Трое из сыновей императора имели зависимость, и все трое в итоге скончались из-за опиума. Позже говорили, что сам Даогуан умер в 1850 году от разрыва сердца. Но пока он еще жив, и он никогда не узаконит торговлю опиумом.

Это не имело значения. Наркотик был распространен слишком сильно. Гонконг стал мировым опиумным центром, огромным рынком наркотиков, где «почти каждый человек, обладающий капиталом и не связанный с правительством, замешан в торговле опиумом», как писал британский губернатор колонии в 1844 году. Перевозка наркотика в Китай все еще была технически незаконной, но по мере того как росло могущество контрабандистов, британское правительство закрывало на это глаза. Некоторые из опиумных курьеров превратились в князей от торговли: покупали небольшие опиумные клиперы – самые быстрые корабли в мире – для перевозки грузов из Индии и использовали прибыль для покупки роскошных поместий в Англии. Большие флотилии пиратских джонок, некоторые из которых контролировались контрабандистами, а некоторые – теми, кто на них охотился, заполнили прибрежные воды. Китай погружался в беззаконие и анархию. В середине XIX века сочетание высоких налогов, голода, отвращения к свободным нравам и торговле опиумом привели к революции – восстанию тайпинов, во главе которого встал лидер китайского культа, считавший себя младшим братом Иисуса Христа. Императору потребовалось 14 лет, чтобы подавить восстание. К тому времени более 20 миллионов китайцев были убиты, а еще десятки миллионов были вынуждены покинуть родину. Многие из тех, кто был изгнан, превратились в подневольных работников – это было началом того, что стало известно как «торговля кули», – и навсегда покинули Китай. По мере того как китайское государство рушилось, а голод и беззаконие охватывали значительные части империи, все больше людей обращались к опиуму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.